

Стиль и слово

ЛИЛИЯ Р. ДУСКАЕВА
(Санкт-Петербург)

ВЛАДИМИР А. САЛИМОВСКИЙ
(Пермь)

<https://doi.org/10.25167/Stylistyka26.2017.2>

1. Введение

Функциональная стилистика понимается нами широко. Это методологическое направление стилистических исследований, генезис которого относится к 1920–1930-м гг. (работы русских формалистов и близких им по взглядам ученых – В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. П. Якубинского; членов Пражского лингвистического кружка). Иначе это направление можно назвать славянской стилистикой (Gajda 1991; *Stylistyka słowiańska* 1998), имея в виду его отличие от сформировавшихся в начале минувшего века других школ теоретической стилистики – эстетического идеализма (К. Фосслер, Л. Шпитцер, Э. Лерх, Э. Лорк и др.), концепции Ш. Балли. Действительно, славянская стилистика изначально была ориентирована на исследование средств языкового выражения с точки зрения их функционального назначения, т.е. как средств, служащих задачам общения, причем предмет изучения охватывал не только системно-языковые факты, но и общие закономерности функционирования языка в социально значимых коммуникативных сферах. Между тем идеалистическая школа была сосредоточена на изучении индивидуальной психологии писателя в ее языковом воплощении, тогда как Ш. Балли рассматривал экспрессивные факты языковой системы в их синхронной соотносительности – без выхода в область речи и обращения к экстралингвистическим явлениям.

Суть функционально-стилистического подхода к изучению языка удачно сформулировала А. Н. Васильева:

Функциональная стилистика исходит из того, что на определенном этапе развития общества, соответственно уровню его общего развития и актуальным коммуникативным потребностям на этом уровне, в действующем языке складывается определенная целостная функционально дифференцированная система систем, содержание, структура и форма которой близки к оптимальной целесообразности в плане этих потребностей (Васильева 1982: 35).

В этой системе при снижении уровня исследовательской абстракции выделяются основные объекты изучения – внеконтекстуально стилистически дифференцированные языковые единицы, функциональные макростили и смешанные макростилевые разновидности, частно- типовые разновидности – речевые жанры и их варианты (Васильева 1982: 35).

Можно, по-видимому, говорить о двух основных концепциях, сложившихся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в русле функционально-стилистической методологии. Обе они внесли значительный вклад в развитие теоретической лингвистики и сохраняют сегодня свой значительный эвристический потенциал.

2. Постановка проблемы

Одна из них, представленная в трудах Б. Н. Головина, М. Н. Кожиной, В. Г. Костомарова, О. Б. Сиротининой, А. Едлички, М. Елинка, И. Крауса, Й. Мистрика и др.), стала ранним проявлением переориентации лингвистики с системно-структурной парадигмы на функционально-коммуникативную. В этой концепции постулировалась необходимость изучения не только структуры языка, но и особенностей его функционирования во всех основных коммуникативных сферах. На смену пониманию стиля как участка языковой структуры (совокупности однотипно окрашенных языковых единиц) пришла его речеведческая трактовка. Функциональный стиль стал рассматриваться как один из способов функционирования языка (Б. Н. Головин), иначе, как своеобразный характер речи той или иной ее социальной разновидности, соответствующей определенной сфере общения (М. Н. Кожина). При разработке этой концепции была эксплицирована фундаментальная для современной лингвистики категория *речевой* (в другой терминологии – *дискурсивной*) *системности* – взаимосвязан-

ности и взаимообусловленности на текстовой плоскости языковых единиц, связь которых по уровням и между ними организуется на определенной экстралингвистической стилеобразующей основе (Кожина 1966, 2014).

Основная проблематика, определявшаяся этой концепцией, состояла в изучении дифференциации и модификации языка в разных сферах общения, в выявлении специфики и системности функциональных стилей и более частных речевых разновидностей.

По отношению к лексическим и грамматическим единицам ставилась задача исследования закономерностей их выбора, частоты использования в каждой из сфер, сочетаемости с другими единицами, семантико-стилистических преобразований, т.е. участия этих единиц в создании стилистико-речевой системности.

Было, в частности установлено, что особенности употребления лексических единиц в речевых разновидностях определяются экстралингвистическими основами последних. Так, в научных текстах регулярно используются только те лексико-семантические варианты слов, которые имеют отвлеченное значение, соответствующее отвлеченно-обобщенности научного мышления, непосредственным целям науки и обусловленным этими целями типовым содержанием высказываний. В художественной речи, предполагающей эстетическую конкретность, напротив, наблюдается активное функционирование слов, преимущественно в конкретных значениях как наиболее подходящих для создания и выражения художественного образа, широко представлены слова детализированной семантики. В публицистической сфере активно используются слова и значения, отвечающие задачам информирования массовой аудитории и воздействия на нее. Здесь наиболее активные словесные значения входят в состав типизированных высказываний, часто имеющих социально-оценочную окраску, к тому же экспрессивных, чем ярко эксплицируется специфика стиля. При этом показательно, что слова, регулярно употребляемые в нескольких разновидностях речи, обычно дифференцируют между ними свои лексико-семантические варианты, так что в каждом стиле используются именно те значения, которые отвечают его специфике. Налицо, таким образом, достаточно жесткая связь употребления слова с коммуникативной целесообразностью и своеобразием функциональных стилей (Кожина 1966, Солганик 1981, *Разговорная...* 1983, Салимовский 1991 и др.).

Другая концепция разработана К. Гаузенбласом (1967, 1972, 1996). Стил, согласно его трактовке, есть один из возможных способов осуществления деятельности. В лингвистическом плане стил является способом интеграции коммуниката (текста).

В формировании стилистической структуры коммуниката участвуют не только языковые, но также тематические и тектонические средства (разнообразные неграмматические способы отбора и комбинации языковых и тематических единиц). Поэтому объект лингвостилистического исследования не может быть ограничен единицами языка, в него должны входить все средства стилеобразования.

Примечательно, что К. Гаузенблас поставил вопрос о синтезе двух концепций в славянской стилистике: «Полезно соединить подход со стороны внеязыковых так называемых стилеобразующих факторов с подходом со стороны свойств внутренней структуры коммуникатов» (Гаузенблас 1967: 74).

Идеи ученого получили развитие в доминирующем сегодня направлении стилистических исследований, называемом стилистикой текста (Одинцов 1980, Солганик 1997, Горшков 2001 и др.). На передний план в нем вышла проблематика композиции речевого произведения, категорий его содержания (замысла, темы, модальности), сюжета, конструктивных приемов и др., в чем проявились традиции поэтики и риторики. В соответствии со сложившейся сегодня в стилистике эпистемической ситуацией исследователи используют, кроме того, совокупность понятий и методов разных лингвистических течений – лингвопрагматики, когнитивистики, дискурсивного анализа и др.

В целом ряде работ по стилистике текста синтез указанных функционально-стилистических подходов (от условий коммуникации и от внутренней структуры текста) достигается анализом детерминированности организации речевого произведения комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего объективируемым в тексте типом сознания, назначением и спецификой познавательной деятельности (Gajda 1982, Котюрова 1988, Матвеева 1990, Кожина 1992 и др.). Однако если при изучении стилей как типов употребления языка анализировался именно язык (язык в действии, в динамике) и стилистика оставалась собственно лингвистической наукой, то обращение к стилям построения текстов сопровождалось ослаблением интереса к систематическому исследованию

используемых в тексте языковых единиц, в том числе слов и их значений, которые чаще всего стали рассматриваться лишь в связи с теми или иными специальными вопросами организации текста – как выразители определенных концептуальных смыслов, маркеры текстовых категорий, презентанты тропов и фигур речи и др. Стилистические исследования, в соответствии с пониманием их предмета К. Гаузенбласом, стали ориентироваться на общую теорию текста, входящую в состав науки о человеческой коммуникации (Гаузенблас 1967: 75).

Стоит отметить, что возросший в последнее время в языкознании интерес к изучению общения, его социологических аспектов, вызвал и противоположную тенденцию – призыв к ренессансу функциональной лингвистики, стремление очертить границы лингвистического подхода к дискурсу, предполагающего анализ языкового воплощения содержания текста (Чернявская 2012).

Возвращаясь к задаче синтеза двух основных исследовательских подходов в функциональной стилистике, зададимся вопросом: возможно ли изучение выбора и использования языковых единиц в проекции на структуру текстовой деятельности и ее продукта – речевого произведения как единицы общения?

Постановка этого вопроса оправдана тем, что язык употребляется именно в текстах. Тем не менее перспективы текстоцентрического анализа функционирования языка могут вызвать сомнение, так как структура текста многопланова и бесконечно вариативна, в связи с чем отражение в ее модели множества целеустановок, влияющих на употребление средств языка, на первый взгляд, представляется едва ли возможным.

Конечно, зависимости между тематическим, концептуальным, композиционным планами текста и особенностями его языковой формы чрезвычайно сложны. Но такова онтология речевого произведения, определяющая направленность исследования.

Отметим, кстати, что, хотя цели и задачи общения традиционно называются в числе важнейших факторов стилеобразования, описание ни одной из социальных сфер не содержит сколько-нибудь полного их обзора. Систематизация этих задач затрудняется их неограниченным многообразием и полиинтенциональностью речевого взаимодействия: анализ даже относительно небольших текстовых фрагментов обнаруживает

комплекс реализующихся одновременно разнохарактерных целеустановок, влияющих на организацию речи (Дускаева 2013).

3. Методика анализа

Как известно, интерес лингвистов к интенциональному содержанию высказывания и типам употребления знаков во многом обусловлен философско-аналитическими исследованиями Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Дж. Серля и др. В своей концепции „языковых игр” Л. Витгенштейн подчеркивал бесконечное разнообразие и историческую изменчивость последних:

Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? – Имеется бесчисленное множество таких типов – бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем „знаками”, „словами”, „предложениями”. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются [...] Термин „языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни (Витгенштейн 1994: 90).

Примечательно, что среди языковых игр, рассматривавшихся философом, есть такие, которые инвариантны для разных сфер общения (утверждение, вопрос, повеление и др.). В соответствии с терминологией Дж. Остина их принято называть иллокутивными актами. Но приводятся и такие языковые игры, которые характерны для какой-либо одной области коммуникации и при выделении которых существен не только фактор иллокутивной цели, но и другие параметры коммуникативной ситуации. Это информирование о событии, размышление о событии (преимущественно сфера публицистики), выдвижение и проверка гипотезы, представление результатов некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах (научная сфера).

Авторы теории речевых актов, вопреки Л. Витгенштейну, свели бесконечное множество „типов предложения” к ограниченному числу их классов (Остин 1986, Серль 1986). В классическом варианте этой теории речевое действие фактически рассматривается в отвлечении от деятельности, в состав которой оно входит, тогда как „языковая игра” по определению является компонентом деятельности. Не случайно методики,

основанные на теории речевых актов, оказываются недостаточно тонким инструментом для изучения стилистических свойств текста (ср.: Долинин 1998).

А. Вежбицка (1997) обратила внимание на близость понятия „языковой игры” понятию „речевого жанра” в интерпретации М. М. Бахтина, который также подчеркивал необозримость и изменчивость разнообразных форм высказываний, сложившихся в различных областях социального речевого взаимодействия:

Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы (Бахтин 1979: 237).

С методологической точки зрения существенно, что, изучая высказывание в определенных сферах социокультурной деятельности, М. М. Бахтин считал необходимым вводить в исследование данные наук об этих сферах – искусствоведения, науковедения и др. (Бахтин 1993). Отметим, что позднее М. Фуко тоже рассматривал формы высказываний в их неразрывной связи с теми или иными областями социальной практики (Фуко 1996).

Основываясь на положении о включенности форм организации речи („языковых игр”, „речевых жанров”) в различные виды социальной деятельности, мы приходим к выводу о том, что модель текста как пространства функционирования языковых средств должна содержать сведения о его варьировании в разных сферах деятельности в виде описания многочисленных речевых жанров, актуализация которых предполагает использование функционально необходимых языковых элементов (Гайда 1992).

Значение такой модели для лексикологии и лексикографии заключается в том, что она позволила бы объяснить показания частотных словарей об активном словарном составе языка в его речевых разновидностях. В самом деле, общество в каждый период своего развития сколько-нибудь регулярно реализует не весь лексико-семантический потенциал языка, а лишь те слова и значения, которые используются в сложившихся речевых жанрах. Показательно в этом плане, что из 150 тыс. слов, зафиксированных в *Словаре современного русского литературного языка*, лишь около

50 тыс. слов встречается в суммарной выборке *Частотного словаря* (Ляшевская, Шаров 2009) объемом 1 млн. словоупотреблений, причем только 18,5 тыс. лемм представлено не меньше 3-х раз.

Отметим, что применение статистических методик позволяет получить данные о представленности слов и их грамматических форм в речи, но для объяснения этих данных и для функциональной характеристики слова как лексической и грамматической единицы необходимым становится исследование его типовых контекстных употреблений, т.е. его использования для реализации тех или иных целеустановок в составе разнообразных речевых жанров. Кстати, составители наиболее фундаментальных толковых словарей всегда стремились к описанию слова во всех его основных текстовых вариантах (Щерба 1974).

Будем исходить из того, что жанровые формы той или иной коммуникативной сферы могут быть осмыслены как речевое воплощение определенных участков структуры духовной деятельности (научной, правовой, политико-идеологической и др.), образованных блоками типовых познавательно-коммуникативных действий.

4. Анализ материала

Обратимся к публицистическим и научным текстам. Рассматривая структуру политико-идеологической деятельности в качестве экстралингвистической основы жанровых форм публицистической речи, мы получаем возможность выявить и описать эти формы. Как показал анализ большого массива газетных публикаций, это информирующие жанры – динамические, повествовательные („Сообщения о ходе происшествия”, „Сообщение о причинах происшествия”, „Об итогах события”), статические, описательные („Сообщения о новом объекте (предмете, явлении)”, „Сообщение о состоянии взаимодействия”, „Предупреждение об опасной ситуации”, „Представление неизвестной персоны” или „Напоминание об уже известной персоне”, „Сообщение о чужом высказывании”); оценочные жанры „Объяснение оценки”, „Подтверждение оценки”, „Опровержение чужого мнения”, „Критика произведения искусства”, „Оценка (признание / прославление / обличение) персоны”; императивные жанры „Призыв к действиям”, „Требование действий”, „Предложение / Предлагание действий”, „Рекомендация модели действий (коррекции ошибок)”, „Побуж-

дение к выбору вариантов решения общественной проблемы” и др. (Дускаева 2016).

Проекция на научные тексты сведений о генетической структуре научного исследования позволяет установить основные речевые жанры этой сферы: жанры эмпирического исследования „Описание нового явления”, „Классификация данных опыта”, „Сообщение об эмпирической закономерности”; жанры теоретического исследования „Постановка проблемы”, „Экспликация научного понятия”, „Проверка гипотезы экспериментальным методом” и др. (Салимовский 2002).

Каждый из речевых жанров конституирован набором типовых познавательно-коммуникативных действий, осуществляемых с использованием языковых средств, имеющих заданные характеристики. Например, газетный речевой жанр „Ход события” предполагает ряд коммуникативных действий, являющихся ответом на вопросы: „Что предшествовало событию?”, „Какие элементы составляют событие?”, „Чем закончилось и какие последствия оно имело?”. Композицию жанра создает последовательность предложений N1-Vf со значением временного следования. Основным средством межфразовой связи являются указатели времени, демонстрирующие ход процесса, происшествия. При описании наиболее характерных классов событий – международных встреч, выборов, отставок и назначений, природных катастроф, террористических актов и т.д. в ходе актуализации соответствующих понятийных фреймов (Баранов, Кунина 2002) используется определенный репертуар лексических средств в виде коммуникативных фрагментов – „готовых словесных групп, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов” (Гаспаров 1996: 104), а также нормативно-узуальных моделей, в которых свободная позиция в словосочетании заполняется одной из нескольких возможных номинаций.

Примеры: взяли в заложники, во время нападения, в результате теракта, группа террористов, доставлены в больницу, жертвами теракта стали..., захвачены в заложники, личность не установлена, обеспечивали безопасность, один из смертников, операция по освобождению заложников, организаторы терактов, ответственность на себя взяла..., переговоры с террористами, подверглись нападению, подорвал себя, полицейский спецназ, привел в действие взрывное устройство, решение о штурме,

серия нападений, удалось спастись, штурм длился... и др.; погибли (пять, шесть...) человек, более (пятидесяти, ста...) ранены, открыл огонь из (пистолета, автомата...), были (французскими, бельгийскими...) гражданами, в ходе обыска обнаружено (оружие, взрывчатые вещества...) и под.

Речевой жанр научного эмпирического исследования „Описание нового явления” предполагает последовательность познавательных действий, отвечающих на вопросы: „Каковы характерные свойства изучаемого объекта?“, „Каковы его главнейшие отличительные признаки?“, „Какое положение занимает новое явление в системе известных объектов?“. В типичной композиции жанра эти действия реализуются в ином порядке, рассчитанном на оптимальное восприятие сообщаемой информации адресатом: за сообщением об обнаружении нового объекта и его месте в системе известных явлений, следует систематизированное описание свойств объекта, после чего приводится дифференциальный диагноз рассматриваемого явления.

Описание всегда осуществляется в какой-либо особенной форме: „Подумай над тем, сколь различные вещи называются «описанием»: описание положения тела в пространственных координатах, описание выражения лица, описание тактильных ощущений, описание настроения” (Витгенштейн 1994: 91).

Спецификой той или иной объектной области и планом анализа (качественным, количественным, структурно-морфологическим, функциональным, генетическим и др.) определяется содержание совершаемых познавательных действий и репертуар выражающих его языковых средств. Например, в гидрогеологическом описании познавательно-коммуникативное действие „Стратиграфическая характеристика объекта” предполагает использование коммуникативных фрагментов с номинациями вида этого объекта и его таксонов: *артезианский бассейн, водоносный горизонт, геологический разрез, гидрогеологический этаж, осадочный чехол* и под., а также нормативно-узуальных моделей с варьирующимся лексическим составом в пределах определенной тематической группы: „*этаж* и словоформа, определяющая его положение в пространстве): *верхний (нижний, средний) этаж*; «*горизонт* и номинация, характеризующая его возраст, или степень залегания, либо степень водопроницаемости, или его положение в пространстве): *палеогеновый горизонт, верхнемеловой гори-*

зонит, глубокий (неглубокий) горизонт, водоупорный горизонт, верхний (нижний) горизонт; «комплекс и номинация, указывающая на его возраст, состав пород, степень водопроницаемости»: верхнеюрский комплекс, ордовикско-силурийский комплекс, карбонатный комплекс, терригенный комплекс, водоупорный комплекс, слабопроницаемый комплекс» (Каджая 2016: 106).

Как видим, участки текстового пространства, выделяемые в той или иной коммуникативной сфере, могут быть охарактеризованы в аспекте их лексического потенциала и устойчивых способов использования слов как элементов готовых к употреблению целостных отрезков речи (коммуникативных фрагментов, актуализаций узуальных моделей).

5. Выводы

Резюмируем сказанное. Переориентация лингвистических исследований со статической структуры языка на закономерности его функционирования в стилистике проявилась в том, что стиль стал пониматься как тип употребления языка в той или иной сфере человеческой деятельности, а язык стал рассматриваться в аспекте его дифференциации и модификации в основных речевых разновидностях. Этот подход реализовался прежде всего в частотных словарях, при составлении которых используются текстовые выборки из разных сфер общения. Развитие стилистики текста на основе понимания стиля как способа интеграции речевого произведения в дальнейшем выдвинуло вопросы композиционно-смысловой организации текста, реализации его категорий, конструктивных принципов и приемов на первый план.

В функциональной стилистике исследования двух основных направлений – употребления средств языка и организации речевого произведения – могут рассматриваться как взаимодополняющие, однако для их синтеза необходимо изучить особенности функционирования языковых единиц на текстовой плоскости с учетом не только назначения соответствующей сферы деятельности и общения (и обусловленной этим назначением совокупностью экстралингвистических факторов – типом мышления, содержания речи и др.), но и множества частных целеустановок, актуализируемых в текстах данной сферы. При решении этой задачи целесообразно опереться на понятие о предваряющих текстообразование формах

речевой организации („языковых играх”, „речевых жанрах”) как компонентах духовной социокультурной деятельности и использовать сведения о строении определенных ее видов для описания систем речевых жанров. Каждый жанр предстает как последовательность типовых познавательно-коммуникативных действий, носителями которых выступают речевые акты, исследуемые, однако, не изолированно от объективируемой в тексте духовной социокультурной деятельности, а как ее структурные элементы.

Анализ типовых познавательно-коммуникативных действий и их блоков позволяет выявить и систематизировать лексические единицы в составе коммуникативно заряженных фрагментов языковой ткани (Gasparov 2010). Такое текстоцентрическое исследование функционирования языковых средств представляет интерес не только для теории стилистики (и шире – речеведения), но и для практики обучения языку в его функциональных разновидностях.

Литература

- Баранов А. Г., Кунина М. Н., 2002, *Дискурсивные особенности текстов в предметной области „терроризм”*, „Жанры речи”, вып. 3, Саратов, с. 231–240.
- Бахтин М. М., 1979, *Проблема речевых жанров*. – М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва, с. 237–280.
- Бахтин М. М., 1993, *Под маской. Маска вторая*. – П. Н. Медведев, *Формальный метод в литературоведении*, Москва.
- Васильева А. Н., 1982, *Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики*. – *Основные понятия и категории лингвостилистики*, Пермь, с. 34–42.
- Вежбицка А., 1997, *Речевые жанры*, „Жанры речи”, вып. 1, Саратов, с. 99–111.
- Витгенштейн Л., 1994, *Философские работы*, Москва, т. 1.
- Гайда С., 1992, *Стилистика и генология*. – *Статус стилистики в современном языкознании*, Пермь, с. 26–33.
- Гаспаров Б. М., 1996, *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва, 352 с.
- Гаузенблас К., 1967, *К уточнению понятия „стиль” и к вопросу об объеме стилистического исследования*, „Вопросы языкознания”, № 5, с. 69–75.
- Горшков А. И., 2001, *Русская стилистика*, Москва, 368 с.

- Долинин К. А., 1998, *Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина.* – *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*, Санкт-Петербург, с. 35–46.
- Дускаева Л. Р., 2016, *Журналистские речевые жанры*, Москва – в печати.
- Дускаева Л. Р., 2013, *Культура и стиль: взаимодействие в речевом общении*, „Stylistyka”, XXII, Opole, s. 9–26.
- Каджая Л. А., 2016, *Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств*, Пермь, 180 с.
- Кожина М. Н., 1966, *О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики*, Пермь, 213 с.
- Кожина М. Н., 1992, *Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте*, „Stylistyka”, I, Opole, s. 39–50.
- Кожина М. Н., 2014, *Речеведение. Теория функциональной стилистики, Избранные труды*, Москва, 622 с.
- Котюрова М. П., 1988, *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста*, Красноярск, 170 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А., 2009, *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*, Москва, <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
- Матвеева Т. В., 1990, *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий*, Свердловск, 172 с.
- Одинцов В. В., 1980, *Стилистика текста*, Москва, 263 с.
- Остин Дж., 1986, *Слово как действие*, „Новое в зарубежной лингвистике”, вып. 17, Москва, с. 22–130.
- Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика*, 1983, Саратов, 253 с.
- Салимовский В. А., 1991, *Семантический аспект употребления слова в функциональных стилях речи*, Иркутск, 136 с.
- Салимовский В. А., 2002, *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)*, Пермь, 236 с.
- Серль Дж. Р., 1986, *Классификация иллокутивных актов*, „Новое в зарубежной лингвистике”, вып. 17, Москва.
- Солганик Г. Я., 1981, *Лексика газеты*, Москва, 112 с.
- Солганик Г. Я., 1997, *Стилистика текста*, Москва, 256 с.
- Фуко М., 1996, *Археология знания*, Киев.
- Чернявская В. Е., 2012, *Дискурс – „лидер продаж” или „распродажа дискурса”?*, „Вестник Иркутского государственного лингвистического университета”, № 3 (20), с. 8–15.
- Щерба Л. В., 1974, *Опыт общей теории лексикографии.* – Л. В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград, с. 265–304.

- Gajda S., 1982, *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*, Warszawa, Wrocław, 188 s.
- Gajda S., 1991, *Stan współczesnej stylistyki a synteza stylistyczna. – Synteza w stylistyce słowiańskiej*, Opole, s. 7–12.
- Gasparov B., 2010, *Speech, memory, and meaning: intertextuality in everyday language*, Berlin–New York, 302 p.
- Hausenblas K., 1972, *Výstavba jazykových projevů a styl*, Praha, 184 s.
- Hausenblas K., 1996, *Od tvaru k smyslu textu – stylistické reflexe a interpretace*, Praha, 226 s.
- „Stylistyka” VII: *Stylistyka słowiańska*, 1998, Opole.

Style and the word

The reorientation of linguistics to the study of the regularities of its functioning in stylistics, manifested in the fact that functional style has been regarded as a type of language in any sphere of human activity, regards language in the aspect of differentiation and modification in the basic speech varieties. It is not by chance that text samples from different areas of communication are used in frequency dictionaries. Understanding style as a way to integrate speech performance first put forward the questions of the compositional-semantic organization of the text, the realization of its categories, constructive principles, and techniques. In functional stylistics studies the two main areas – the use of language and the organization of a speech performance – are analyzed as complementary, but cohesion requires understanding the regularities of the functioning of language units in a text with many objectives, updated in texts of the given sphere. To resolve this problem, it is reasonable to rely on the notion of speech genres, each of which is a sequence of standard cognitive-communicative actions – structural elements acting as an object in the text of spiritual socio-cultural activities. The analysis of these actions has revealed and systematized lexical units in communicative composition of language material (Gasparov 2010). This text-centered study of functioning of lexical and other means is of interest not only for the theory of style (and, more broadly, in speech study), but also to practice learning the language in its functional varieties.

Keywords: *style, Gajda, word, speech genre, language games.*